
Вверх,
как по лестнице,
спокойными размеренными шагами
равнодушно увядание поднималось по гладиолусу.
А когда последний цветок
навсегда сжал
свои помутневшие веки,
я поняла,
что мне хотелось бы
увядать так же – постепенно,
снизу вверх.
Мысль –
в последнюю очередь.

От любви не скрываясь,
Не сдаваясь в борьбе,
Жизнь промчаться пыталась
По жестокой судьбе.
Да вот что-то не мчится
Вдоль застывших равнин,
Только хмурые лица –
Будто глыбы руин.
«Ни страны, ни погоста» –
Искалеченный край.
Возвратить так непросто
Наш потерянный рай.
И любовь здесь другая,
И вражда не в себе...
Жизнь устало шагает
По несчастной судьбе.

Как обычно живу. Только знаете,
тяжело, как по льду в Белозерск идти,
мне свои сочинения детские
постоянно стирать с карты памяти.
Не до сказок красивых (все прошлое),
когда слышу мольбу: «Не лети на юг!»
Стала жизнь далеко не красивою.
(Правда, жизнью назвать это можно ли?)
И не мыслил такое Калигула,
как рвались параллелей сечения;
от террора и землетрясения,
содрогнувшись, Земля опрокинулась
между адом и райскими кущами...

Что ж я, глупая, в мире расколотом
все пытаюсь спасти свою молодость,
так безжалостно в вечность бегущую?

По траве, затвердевшей от инея,
Потекла вереница следов.
«Где же след мною званного имени?»
Но ответ для тебя не готов.

Что ж, потерь обреченная пленница,
Вот тебе утешенья слова:
Где ступал ненаглядный, чернеется
Одуванчиков смятых листва.

«Где ты?
Нашей любовью измеренный,
Невелик для меня белый свет».
Но зарянка ведет: «За деревьями,
В государстве Там-Где-Его-Нет».

И опала поникшею лилией
У разломов холодной коры...
По траве, затвердевшей от инея,
Переходят в иные миры.